

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
РАЗДЕЛ 1.	
Общее представление о сказках и сказкотерапии.....	9
1.1. Сказки в культуре и науке	11
1.2. Сказкотерапия и типологии сказок.....	35
1.3. Психологический анализ сказок.....	49
1.4. Как читать сказки детям: практические советы	60
РАЗДЕЛ 2.	
Метафора как средство психологической работы	69
2.1. Метафора: подходы к пониманию.....	71
2.2. Метафора как предмет психологического исследования и практического применения	87
2.3. Особенности психотерапевтической метафоры	101
РАЗДЕЛ 3.	
Сказкотерапевтические и метафорические психотехники.....	111
Актеры и кинорежиссеры.....	113
Образ внутреннего мира.....	121
Давайте сочиним сказку... ..	127
Герои и антигерои	131
Любимые и нелюбимые сказки	139
Деревья-Характеры из волшебного леса	145
Цикл сказкотерапевтических игр «Волшебники»	149
Путешествие к Бабе-яге.....	155
Несказочные проблемы	165
Боги и миры.....	171
Мифологические мотивы в психологической работе.....	171
Ты настоящий творец!.....	176
Мои удачи и неудачи.....	181
Метафора моей жизни	187
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	193
ЛИТЕРАТУРА	194

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почему в названии книги рядом появились слова «сказкотерапия» и «метафора»? Такой вопрос может возникнуть у пытливого читателя, прежде чем он начнет знакомиться с текстом. Поскольку вопрос не праздный, следует на него сразу и ответить. Потому что сказкотерапия немыслима без метафоры, потому что метафора составляет сердцевину сказки, ее ядро, потому, наконец, что сама сказка — это, по сути, развернутая метафора.

Практическим психологам и психотерапевтам (а уж писателям, живописцам, композиторам — художникам, занимающимся любым видом искусства — тем более) давно и хорошо известно, что именно метафора обладает свойством удивительно мягкого и в то же время потрясающе мощного воздействия на человека. А если речь заходит о сказкотерапии, то надо признаться, что без пристального внимания к метафоре это увлекательное психологическое направление превращается либо в банальное и слабо осмысленное развлечение, сводящееся к бездумному чтению сказок, либо в псевдодидактическое извлечение из сказок самоочевидных «уроков», вызывающих оскороину в силу своей тривиальности.

Кто-то может возразить: изучение метафоры в текстах — это прерогатива филологов. При чем здесь психологи? Еще как при чем! Одним из главных (заметим, впрочем, не единственным) инструментов психолога является речь. Метафора в речи позволяет не только украсить высказывание, но и придать новые смыслы тому, что утверждается. А это очень важно при взаимодействии психолога и клиента. Психолог-сказкотерапевт имеет дело со сказкой (мифом, притчей, легендой, былинной, басней и проч.). Ему неизбежно приходится обращаться к материалу,

в котором представлена сказка, — то есть к текстам. Следовательно, он вынужден тоже становиться немного филологом. И тут уж без понимания и интерпретации метафоры — никуда!

Часто говорят, что практическая психология сродни искусству. Это действительно так — при условии, что психолог имеет в своем багаже и приличные научные знания. Общение с другим человеком, который нуждается в помощи и поддержке, оказывается для психолога каждый раз процессом отнюдь не конвейерного типа, а уникальным событием. Сказкотерапевт, словно художник мазком, пользуется той или иной метафорой, которая нужна «здесь и теперь» — для этого, а не иного события. Только красками для его «сказочной кисти» выступают различные смыслы, которыми наполняется метафора. И красок этих много. При переносе же зачерпнутых смыслов с палитры на мольберт смыслы эти могут меняться, трансформироваться, приобретать новые оттенки и отблески. Тогда сказкотерапевтическая работа и превращается в искусство трансформации смыслов, которое помогает человеку увидеть свой образ в зеркале сказки и найти себя в мире отношений с другими людьми. И все это происходит благодаря метафоре.

В книге три раздела. В первом раскрываются особенности сказкотерапии как особого практико-психологического направления. Сначала анализируются разнообразие подходы к сказке, существующие в культуре и науке. Затем рассматриваются разработанные к настоящему времени типологии сказок и способы их анализа. Завершает раздел глава, в которой содержатся практические советы о том, как читать сказки детям. Второй раздел полностью посвящен метафоре в различных ее аспектах: ее пониманию и интерпретации, анализу исследований, нацеленных на изучение метафоры, и методам ее практического применения. Особое внимание уделяется психотерапевтической функции метафоры. Третий раздел будет особенно полезен практикам, уже в достаточной степени освоившим теоретические основы сказкотерапии и психологии метафоры. Здесь заинтересованный читатель найдет достаточно богатый набор авторских игр, упражнений, психотехник, созданных при использовании разнообразных видов метафор и сказкотерапевтических приемов.

Раздел 1

**ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
О СКАЗКАХ И СКАЗКОТЕРАПИИ**

1.1. СКАЗКИ В КУЛЬТУРЕ И НАУКЕ

На Руси после принятия христианства враждебное отношение к сказкам было у духовенства, которое не могло примирить их языческий характер с церковными требованиями. Сказки обличались и преследовались наравне с бесовскими игрищами, заговорами, колдовством. Даже в России XVI–XVII веков сказка оставалась неуютной не только священникам, но и литераторам, и ученым. Считалось, что народные сказки распространяют предрассудки и ложные понятия, сказки сравнивались с лепетом младенца, к ним часто относились с пренебрежительностью и насмешкой. Таково же было и отношение к «странным людям», которые в том числе рассказывали эти сказки. Такая позиция была иронично описана В. Ф. Одоевским, современником А. С. Пушкина: *«Этих странных людей сначала боялись и уважали, потом жгли и уважали, потом перестали бояться, но все-таки уважали. Нам одним пришлось в голову и не бояться, и не уважать их»*¹.

В. Ф. Одоевский пытается объяснить происходящее следующим образом. Происходит это потому, что наше мышление и воображение ограничилось «мышинным горизонтом» в связи со стремлением установить во всем пределы: составить системы, таблицы, схемы для того, чтобы понять, чем нужно заниматься, а на что не стоит тратить время. Гораздо более важными делами, например, согласно распространенному мнению, является создание систем и моделей «правильного» общественного обустройства. Однако с помощью такого обустройства целое общество становится благополучно, но каждый из его членов страдает.

¹ Одоевский В. Ф. Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринею Модестовичем Гомозейкой, магистром философии и членом разных ученых обществ, изданные В. Безгласным. СПб.: тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1833. С. 3.

Далее В. Ф. Одоевский с сарказмом пишет: *«Мы составляем статистические таблицы, посредством которых находим, что в одной стороне с увеличением просвещения уменьшаются преступления, а в другой — увеличиваются, и в недоумении ломаем голову над сим очень трудным вопросом; составляем рамку нравственной философии для особенного рода существ, которые называются образами без лица с маленькими, средними и большими носами; мы отыскиваем средства, как бы провести целый день, не пропустив себе ни одной мысли в голову, ни одного чувства в сердце — как бы обойтись без любви, без веры, без думанья, не двигаясь с места, словом, без всей этой фланели, от которой неловко, шерстит, беспокоит; мы ищем способа обделать так нашу жизнь, чтобы ее историю приняли на том свете за расходную книгу церковного старосты. И должно признаться, что во всем этом мы довольно успели».*

Прекрасные рассуждения, которые, к сожалению, полностью соответствуют современному состоянию нашего общества. А ведь были они написаны почти двести лет назад. Как видим, ничего не изменилось. В. Ф. Одоевский продолжает: *«А странные люди, которые занимались странными науками и писали сказки, когда-то искали для тела такое лекарство, которое бы исцеляло болезни. А для общества такое состояние, в котором каждому было бы хорошо; для природы — такой язык, которого слушался бы камень и птица. Поле воображения этих людей охватывало и землю и небо, и жизнь и смерть, и таинство творения и таинство разрушения. Оно залетало за тридцать земель в тридцатое царство, и из этого путешествия приносило вещи, которые меняли человечество»².*

Таким образом, как подметил автор, некоторые наши далекие предки обладали более широким воображением, мысли их охватывали большее пространство в мире бесконечного, им было свойственно открывать то, что нам теперь недоступно, потому что мы сами себя ограничиваем тем самым «мышинным горизонтом».

Спустя 75 лет М. Горький, размышляя о разрушении личности, напишет: *«Народ не только сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества*

² Одоевский В. Ф. Пестрые сказки с красным словом, собранные Иринеем Модестовичем Гомозейкой, магистром философии и членом разных ученых обществ, изданные В. Безгласным. СПб.: тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1833. С. 4.

философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры»³.

Все идеи, мысли, переживания, вся психология человека уже давно были отражены в произведениях, созданных народом (мифах, былинах, сказках), а впоследствии повторялись и продолжают повторяться нами уже в несколько ином исполнении.

Традиционно сказки рассматриваются как один из основных жанров фольклора наряду с былинами и мифами. Однако стоит отметить, что, несмотря на безусловные сходства, между ними существуют и различия.

Рассмотрим прежде всего различия между сказкой и мифом.

Архаический миф (греческое слово, означающее «сказание», впоследствии — «сказание о богах»⁴) как тип повествования о необычном рассматривается в качестве особого типа мышления, «выражения космоса в конкретно-чувственных одушевленных образах»⁵.

Миф считается первоначальной формой духовной культуры человечества и всегда отражает миропонимание и мироощущение эпохи, в которой он создавался⁶. В мифах отражена идея создания мира и всего живого на земле. Как писал Д. Н. Овсяннико-Куликовский⁷, миф «сам по себе уже был продуктом больших усилий мысли, большого творчества; в нем был собран умственный капитал, накопившийся веками; в нем хранились наблюдения, сближения явлений, сопоставления образов — целое мирозерцание, которое давало мыслителям и материал, и мыслительные стимулы, и отправные точки. Миф, который имел историю очень сложную, на пути своего развития вырабатывал и изоцирял умы, как в настоящее время это делает наука. Миф создал великие умы древности, а эти умы в свою очередь из мифа сделали философию и науку».

Главным героем мифов часто является верховное существо — причина всех перемен в мире и людях: бог. Таким богом для

³ Горький М. Статьи. Петроград: Парус, 1905–1916. С. 9.

⁴ Житецкий П. Теория поэзии. К.: тип. Окружного штаба, 1898. С. 32.

⁵ Ковтун Е. Н. Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа. М.: МГУ, 1999. С. 129.

⁶ Там же. С. 33.

⁷ Ветухов А. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова (из истории мысли). Вып. 1. Варшава: тип. Варшавского ученого округа, 1902. С. 90.

восточных славян, например (по мнению ряда исследователей⁸), был верховный бог Перун, властвующий над прочими богами. При этом Перун представлялся источником как добра, так и зла. По народным преданиям славян, Перун жил за облаками, смотрел на деяния людей, а сила его заключалась во власти над молнией и громом. Все на земле осуществлялось по его воле: шли дожди, смывающие все плохое; выпадала роса, освежающая воздух; карались громом и молнией люди за свои грехи. Перун являлся владыкой неба, воздуха и всей земли. У него просили все: прибыли, здоровья, победы, погоды. Перуну давали обеты, приносили жертвы, совершали гадания по его божественным приметам⁹.

К нему примыкают и другие мифические существа: Велес — бог скота, Дажьбог и Хорс — оба боги солнца, Стрибог — бог ветров, Рожаницы — богини судьбы и др.

Несмотря на общее мнение относительно культа Перуна у русского народа, по некоторым сведениям, Солнечный культ все же древнее¹⁰. Так, по мнению М. Е. Соколова, на Руси было множество Солнечных богов и богинь: Дажьбог, Хорс, Ярило, Журило и др., не боящихся злых сил, оживляющих жизнь, дарящих благо и любовь.

По мнению Д. О. Шеппинга¹¹, отвлеченных понятий добра и зла в славянской мифологии не существовало. Каждая сила и явление носили в себе возможность и злого, и доброго влияния. Почти все божества природы славянских мифов способны как вредить, так и помогать человеку. Так, боги неурожая и засухи нередко переходят в богов жизни и плодородия. Наиболее полное и всестороннее описание славянских богов привел Г. Глинка еще в 1804 году¹².

Выделяют особенности мифологической формы мировосприятия:

- 1) «Очеловечивание» природы, элементов космоса в результате слияния человека с окружающей природной и социальной средой;

⁸ Иванов В. В., Топоров В. Н. Мифы народов мира: Энцикл. в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. — 2-е изд. — М.: Советская энциклопедия, 1988. — Т. 2: К-Я.

⁹ Касторский М. Начертание славянской мифологии. СПб., 1841.

¹⁰ Соколов М. Е. Старорусские солнечные боги и богини: ист.-этногр. исслед. Симбирск: тип. А. Т. Токарева, 1887.

¹¹ Шеппинг Д. О. Мифы славянского язычества. М.: тип. В. Готье, 1849. С. 14.

¹² Глинка Г. Древняя религия славян. Митава, 1804.

- 2) Обозначение во времени происхождения того или иного явления, предмета («вначале была тьма», далее следует цепочка порождения и сотворения окружающих природных явлений, окончание «миротворения» и т.п.);
- 3) Вера в правдивость мифологической реальности, так как она создана предшествующими поколениями, не подлежит сомнениям и дана потомкам для переосмысления;
- 4) Мифологическое творчество нечувствительно к противоречиям, отсутствует необходимость в проверке опытом.

В. Вундт¹³ выделяет антропологические мифы, в которых животные выступают в некоторой генеалогической связи с человеком, но не являются его прародителями; и генеалогические мифы, в которых происхождение человека напрямую связано либо с: 1) тотемным животным, либо с 2) демоническими промежуточными существами (полуживотные, полулюди), либо с 3) создателями человеческого рода — богами.

Типичная структура, например, *греческих мифов*¹⁴ представлена такими вариантами:

1. Герой происходит от существ высшего типа: богов, волшебных животных и т.д.;
2. Герой брошен, и его преследуют настоящие родители или отец;
3. Герой усыновлен людьми низшего происхождения, которых он считает своими родителями;
4. Герой явно выделяется среди других (ростом, красотой, поступками, чудесами);
5. Герой встречает своих настоящих родителей, которые признают его и возвращают ему его высокий статус;
6. Герой вознаграждает тех, кто с ним хорошо обращался, и мстит тем, кто с ним обращался плохо.

Мифы — это результат первых впечатлений первобытного человека от окружающей его действительности, выражение первых воззрений людей не только на мир и природу, но и на отношения друг с другом. Можно назвать миф одним из первых способов познания мира и человека, а также основой других творческих сказаний: былин и сказок.

¹³ Вундт В. Миф и религия / под ред. проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. СПб.: Брокгауз — Ефрон, 1913.

¹⁴ Грин Дж. Психоанализ в школе / пер. А. В. Нахимовой-Молоденковой; с предисл. проф. Ив. Ермакова. М.: Государственное изд-во, 1924. С. 40–41.

В мифах описывается жизнь богов, органично сочетается действительное (реальное) и сверхъестественное. По мере того как народ начинает принимать участие в великих событиях, влияющих на жизнь, мифические сказания о богах сменяются на героические или богатырские. К подвигам богов присоединяются подвиги людей, и чистый миф смешивается с историческими повествованиями, названными позднее былинами.

Н. Н. Кареев¹⁵, анализируя соотношение славянского мифа и героического эпоса (былин), приходит к заключениям:

- 1) С развитием социально-исторической жизни в древнейшем эпосе прослеживаются наслоения исторических, бытовых и нравственных идеалов народа, что отражено в сходстве эпических сюжетов с мифическими;
- 2) В сюжете любой былины можно обнаружить остаток забытого мифа;
- 3) Новое содержание былины воплощается в уже готовую форму, данную мифом, что делает миф едва узнаваемым под оболочкой новых представлений социально-исторической жизни народа;
- 4) Наслоение бытовых и исторических черт на миф способствовало приурочению мифа к определенной местности, времени, событию, которое излагалось в нем, к исторической личности;
- 5) Внесение в былинку нравственных идей, идеалов обусловливается существованием в верованиях народа типов, с которых народ готов переносить на данную личность свойства, не принадлежащие этой личности, и желанием видеть в личности идеал.

Считается, что славянская мифология, как и мифология других индоевропейских народов, исходит из единого источника языческих верований. Однако таких полных и самостоятельных образов божеств, как Зевс, Нептун, Меркурий и др., народная фантазия славян или не выработала, или, что скорее всего, они были утрачены. Многие славянские мифические образы вошли впоследствии в народные песни, которые были связаны с праздниками. Несмотря на недостаточность сведений о мифологии восточных славян, она тем не менее нашла свое воплощение в народных песнях (былинах), которые являются самостоятельными

¹⁵ Кареев Н. Н. Миф и героический эпос / Отношение мифа к героическому эпосу. Беллерофонт и Илья Муромец. Воронеж: тип. Губ. правл., 1873.

произведениями и в которых пусть в разрозненном виде, но представлены те или иные мифологические образы.

Среди специалистов, занимающихся изучением народного творчества, ведутся дискуссии относительно того, что возникло раньше: миф, сказка или былина. Известный мастер русской словесности Алексей Дмитриевич Галахов полагал, что сказка образовалась из былины¹⁶. Но большинство ученых все же придерживаются мнения о том, что сказка возникла раньше былины, когда человек еще жил под непосредственным влиянием сил природы. А в работах Н. Сахарова отмечается, что то, что сегодня мы относим к былинам, относилось и к сказкам. Так, он писал: *«Русские сказки вмещают в себя основание народных былин, повести, любимые нашими отцами и дедами. В них есть предания; в них заключается наша Русская семейная жизнь; в них сохранился наш чистый Русский язык»*¹⁷.

Продолжаются дискуссии и относительно соотношения сказки и мифа. Весьма примечательна в этом плане точка зрения известного психолога юнгианского направления Марии-Луизы фон Франц. Она считает, что в отличие от мифа, который имеет явно выраженные национальные особенности, волшебные сказки, которые автор понимает как некую «страну души», наполненную архетипическими образами, находятся вне культуры, вне этнических отличий, поэтому способны очень легко мигрировать. Сказки являются международным языком для всего человечества, для людей всех возрастов и всех национальностей. Так, М.-Л. фон Франц пишет: *«Мне кажется, что волшебная сказка похожа на море, а саги и мифы подобны волнам на его поверхности: сказка то “поднимается”, чтобы стать мифом, то “опускается”, снова превращаясь в волшебную сказку. И опять мы приходим к идее о том, что волшебные сказки, как в зеркале, отражают более простую, но вместе с тем и более базисную структуру психического, его скелетную основу»*¹⁸. Говоря о возможности появления сказки ранее мифа, автор ссылается на работы Е. Швайцера, убедительно показавшего, что миф, например, о Геркулесе составлен из отдельных эпизодов, каждый

¹⁶ Галахов А.Д. История русской словесности, древней и новой. Т. 1. СПб., 1863. С. 266.

¹⁷ Сахаров Н. Русские народные сказки. Ч. 1. СПб., 1841. С. IX.

¹⁸ Франц М.-Л. фон. Психология сказки. Толкование волшебных сказок. Психологический смысл мотива искупления в волшебной сказке. СПб., 1998. С. 28–29.

из которых представляет собой определенный сказочный мотив. Было доказано, что эта история превратилась в миф, изначально являясь волшебной сказкой, но затем стала более обогащенной и поднятой до уровня мифа.

Существует и другая точка зрения, закрепленная в мнениях современных ученых А. И. Никифорова, Е. М. Мелетинского, придерживающихся взглядов В. Я. Проппа. В их исследованиях показано, что сказка является следствием десакрализации (обесценивания, ослабления священных образцов) мифа. С потерей этнографической конкретности, заменой мифического времени на неопределенное, а также мифических героев на обычных людей, с перенесением внимания с коллективного на индивидуальное происходит трансформация мифа в сказку¹⁹.

Делаются попытки выявить отличительные особенности мифа и сказки. По мнению А. Е. Наговицына и В. И. Пономаревой, одним из важнейших отличий сказки от мифа является то, что миф открыт по содержанию, однозначен по смыслу и фактологичен в своем наполнении. Сказка, напротив, отличается своей многозначностью, многоаспектностью, предлагает возможность воспитания не на одном образце, как в мифе, а на выявлении уровня готовности того или иного героя к переходу на новую ступень развития.

Сказка имеет свою поэтику, отличную от былинной и мифологической, свой зачин, исход, общие места, иногда отличается ритмическим складом, ранее чаще предназначалась для развлечения и удовольствия. В сказке искусно объединялись разные элементы, начиная от бытовых, заканчивая описанием дохристианских верований и бродячих сюжетов.

Само понятие «сказка» многозначно. В Большом энциклопедическом словаре оно толкуется как «один из основных жанров фольклора, эпическое, преимущественно прозаическое произведение волшебного, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел». Сказки — «документы делопроизводства, записи устных показаний в учреждениях России XVII–XVIII вв.»²⁰.

Обнаружено слово «сказка» и в древних словарях. Так, «казка» была зафиксирована еще в 1596 году в литовско-русском словаре,

¹⁹ Мелетинский Е. А. Миф и сказка // Фольклор и этнография. Избранные статьи. Воспоминания. М., 1970. С. 284–296.

²⁰ Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1997. С. 1228.

составленном Лаврентием Зизанием. В нем дается толкование слова «баснь» как «байка», «казка»²¹. Затем в 1627 году в Лексиконе славяно-русском Памвы Берынды под словом «баснь», «байка», «вымысел»²².

Слова «сказка», «баснь» есть в словаре XVIII века²³ на шести языках: российском, греческом (*παράβησι*), латинском (*fabula fadae*), французском (*fable*), немецком (*fabel*) и английском (*fable*), т.е. фабула. В мифологическом словаре поясняется, что Фабула — богиня лжи, или басни²⁴.

В нескольких значениях присутствует «сказка» в старом словаре Академии Российской²⁵:

- 1) Вымышленная повесть, басня (писать сказки, сказывать, слушать сказки);
- 2) В приказном наречии значит: письменное на что-нибудь по требованию правительства объяснение (взять с него сказку, подать сказку).

Но все же наиболее полное и всеобъемлющее толкование слова «сказка» дается в словаре В. Даля:

- «сказ, сказанье, повесть, преданье, рассказ; приказанье, приказ;
- объявление, весть, оглашение;
- деловое показанье, объяснение, ответ подсудимого, речи свидетелей, отчет о случае, о происшествии;
- документы народной переписи, именные списки всего наличного населения (ревизские сказки);
- вымышленный рассказ, небывалая и даже несбыточная повесть, сказание»²⁶.

²¹ Сахаров Н. Сказания русского народа. Т. 2. Кн. пятая, шестая, седьмая и осьмая. СПб., 1849. С. 121.

²² Там же. С. 17.

²³ Полетика Г. А. Словарь на шести языках: российском, греческом, латинском, французском, немецком и английском: изданный в пользу учащегося российского юношества. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1763. С. 196.

²⁴ Мифологический словарь, или Краткое толкование о богах и прочих предметах древнего баснословия, по азбучному порядку расположенное; извлеченный и составленный из лучших и новейших сочинений. СПб.: тип. вдовы Плюшар с сыном, 1834. С. 199

²⁵ Словарь Академии Российской. Ч. 3. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1792. С. 385.

²⁶ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.: О-во любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те, 1866. С. 172.

В Актах юридических Древней Руси сказка употреблялась в смысле описания происшедшего события, объяснения, поручительства. Такие «сказки» мы находим наряду с указами, сделочными, расспросными речами, челобитными. В этих Актах есть раздел, посвященный сказкам по делам правительственным и судным: «Сказки по верстанию на службу» (1679); «Сказка отсрочная» (1692); «Сознание на съездем дворе о неуплате пошлинных денег» (1685) и т.д. В них подробно описывались события такого-то дня и года с точным указанием имен участников этих событий. В конце такой сказки всегда ставилась подпись, например: «А сказку писал, по их мирских людей велению, дьячек Родка Федотов», «Костица Митрофанов» и т.д.²⁷

Приведем одну из таких сказок в полном объеме: «198 году января в 5 день Кижского конца староста Григорий Козьмин дал сказку посацкому человеку Семену Гурьеву в том, что велено сыскать прошлых лет старост, и я староста дал сказку о старосте о Иване Митрофанове за прошлый за 182 и третий год, и он староста ныне в городе на Олонцы, а братья его Иванова поруку по себе дали, и я староста Григорий в том и сказку дал. А сказку писал, по его старостину велению, Костица Митрофанов»²⁸.

Были и «коллективные» сказки. Например: «Лета 7185 году октября в 26 день по указу великого господина преосвященного Стефана, архиепископа Суждалского и Юрьевского, в Шу на святительском дворе перед игумном Гермогеном и перед сыном боярским перед Анфиногеном Черкасовым, Шуи посаду земской староста сказал по святей Христов непорочной Евангилской заповеди Господни, еже ей ей, Шуяня посадские люди всех приходских церквей против его Григорья попа ссылочных росписей, которых он написал сверх первые сказки, которая подана Николскому келарю старцу Игнатию, у нас сверх тое сказки иных речей про него попа Григорья и иные сказки не будет, потому что та сказка подана ото всего мира, за руками, про всякие его попа Григорья неистовые слова и про бесчинье — то наша сказка»²⁹.

Все это реальные люди нашего прошлого, которые писали вот такие, кажущиеся теперь нам странными, сказки.

²⁷ Акты, относящиеся до юридического быта древней России / изд. Археологической комис. под ред. Николая Калачова. СПб.: в тип. Императорской акад. наук, 1857–1884. С. 327.

²⁸ Там же. С. 338.

²⁹ Там же. С. 331.